

Е. Д. Поливанов. Причины происхождения Umlaut'a

Источник: Сборник Туркестанского восточного института в честь проф. А. Э. Шмидта^{<1>} (25-летие его первой лекции 15/28 января 1898–1923 г.). Ташкент, 1923. С. 120–123.

Подготовка к публикации Ю. А. Клейнера
(грант РФФ № 16-18-02042)

Причины происхождения Umlaut'a

I.

Для умлаута, т. е. регрессивной ассимиляции гласных, разделённых согласными (*maniz* > *meniz* > немецкое *Männer*, англ. *men*), вообще мыслимы, мне кажется, 2 фактора.

Один из них, но кажется в качестве единственного по его мнению, называл мне Л. В. Щерба.

Это ассимиляция гласным предшествующего согласного, а затем ассимиляция этим согласным предшествующего ему гласного. Таков процесс выработки «переднего оттенка» *a* в *рать*, *рати*: *i* (*i* = *ь* или *i* = *и* слав.) смягчало предыдущее *m* (> *t'*): а путём частичной физиологической зависимости конца *a* (в *рать*, *рати*) от этого *t'* (передачи конечному периоду данного *a* языкового уклада с поднятием средней части языка) образовался и данный комбинаторный оттенок фонемы (ударенного) *a*, акустически характеризуемый тоном *ε—e—и* даже *i* (—всё последовательно) своих конечных периодов (то же, конечно, при соседстве гласных со всякими другими палатализованными согласными *s'*, *l'* и проч.)^{<2>}.

Эта фактическая эпентеза (*rati* > *rat'i* > *ra't'*) осталась, впрочем, ещё физическим, а не психофонетическим явлением, т. е. не привела ещё к дивергенции представления гласного *a* как даже и ещё более сильная аберрация при влиянии палатализованного согласного ещё и спереди, в *тятя* = *t'æt'a*, *мётя* = *t'ot'a* — физически *t'ət'a*; данные *æ*, *ə*, не являются фонемами, а лишь комбинаторными вариантами или оттенками^{<3>}, как их называет Щерба, фонем *a*, *o*. Психически же закреплённые примеры эпентезы мы имеем в греческом: *φαίνω* < *phan'n'o* < **φαν-ιω* (аналогичным образом *αἶρω* < *arō*). В дальнейшем же (ново-греческом) дифтонг /*ai*/. стягивается уже в /*e*/^{<4>}.

Подобное этому, по данной теории, нужно предполагать и в германском: **man-iz* > *man'iz* > *ma'n'iz* > *mainiz* > *meniz* (и далее немецк. *teuer* = *Männer*, англ. *teu* = *men*, тогда как единственное число сохранило *a* — нем. *Mann*, англ. *man* = *mæn*).

Таково механическое объяснение умлаута эпентезой^{<5>}.

Сюда же относится и такое построение, как мнимый лабиальный умлаут, предполагаемый Шахматовым для перехода 'e (т. е. *e* с

предшествующим мягким согласным) в *o* перед следующим твёрдым, как, напр., в *měd* = *m'ot* < *m'od* < *m'ed*⁴. Мысль Шахматова можно понимать так, что *й* (*ь*), исчезая, оставляло свой момент лабиализации на предшествующем согласном (*d* = *"d"*?), который становился лабиализованным (*sic*), а затем сообщал свою лабиализацию предшествующему гласному (таким образом *e*, *ь* > *o*: *měd*, *něc*)⁶. Но, думаю, весь рассказ о лабиализованных согласных в русском (хотя для него и можно, казалось бы, использовать некоторый инструментально-фонетический материал из южных говоров) как о факторе перехода *'e* > *'o* — недоразумение, так как самый момент изменения состоит здесь не в губной, а язычной работе: процесс *e* > *o* — собственно *e* > *ɹ*, и как таковой вполне соизмерим с аналогичными изменениями соответствующего долгого: полифтонга *'jɛ* (*'b*) в *'ā*: *часъ* < **k^{iε}sъ*, польск. *l'as* < *l^{iε}sъ* (ср. те же процессы в индийском: **ke* > скр. *ca*, *te* > *ta*, *kē* > *cā*, *tē* > *tā*). Таким образом, при желании этот переход можно рассматривать лишь как умлаут язычной работы (*d* в *m'ed*, *s* в *lies* — твёрдые потому, что за ним шло *ь*, и они сообщают характерный для „твёрдых“ уклад предшествующему гласному), но не как губной¹ умлаут.

Лично у Щербы впечатление о нормальной роли эпентезы с передачей качества через согласный (затем согласный может утратить это качество, напр. палатализацию) сложилось, я позволяю себе думать, под влиянием ирландских примеров (с графическим, собственно, умлаутом гласных и разными категориями согласных): *ech* || *equus*, *eich* = *ek'* || *equi* (genetiv)⁷.

II.

Но допустимо видеть и другой фактор в создании умлаута, если взвесить факты из другого сорта — не индоевропейских языков — именно языков с сингармонистической структурой слова. Я позволяю себе утверждать, что именно является типичным сосуществование гармонии гласных и умлаута в истории определённых (обладающих сингармонизмом, т. е. урало-алтайских) языков (хотя, казалось бы на первый взгляд, это диаметрально-противоположные явления).

Так мы находим умлаут в монгольских наречиях; как пример губного процесса укажу на *nidun* > *nüdüin* > *nüdn* „глаз“², (вообще же примеры в диссертациях А. В. Руднева⁸ *passim*) и в турецких. В турецком умлаут наиболее характерен и играет роль морфологического приёма (в

¹ Появление лабиальной работы в *e* > *o*, как и вообще в *ɹ* > *o* (в акающих говорах лишь под ударением) находит психофонетическое разъяснение без надобности во влиянии согласных.

² Сравни и корейское *nin* «глаз». (Корейский я считаю в родстве с монгольским и след. в числе «алтайских» языков; гармония гласных существовала некогда и в корейском, на что указывают следы её даже в современном корейском спряжении).

таранчинском *at* ‘лошадь’, *eti* ‘его лошадь’; *al* ‘возьми’, *elip* ‘взяв’, *ata* ‘отец’, *atesi* ‘его отец’; из случаев губного умлаута: *xotun* < *qatun* ‘жена’)³. Но есть случаи и в других (Radloff, *Phon.*⁹), как и в казак-киргизском *æke* < *ata-ke*, *æpeɣ* < *ab-ber* < *aluib-ber* (в татарском *æpir*). Для генетического объяснения умлаута мне кажется особенно показательным последний пример (*æke*), взятый из языка со строжайше выдержанной язычной (палатальной) гармонией гласных. Само сознание потребности в том, чтобы все гласные слова принадлежали или к категории задних, или же передних, — является фактором уодноображения и, следовательно, изменения одного гласного в угоду другому (как, например, в заимствуемых словах; арабское *على* дало поэтому в киргизской речи следующие варианты: *алы*, *æli*, *qалы*, *gæli*, *ġалы*⁴, не считая литературной, «правильной», но сингармонистически неправильной формы *ali*). Вопрос состоит только в том, какой из ряда гласных окажется языковому сознанию важнее и даст перевес характерному для него языковому укладу. Вопреки нормальному и принципиально принятому в турецких языках господству гласных головной — лексической морфемы (что почти обезличивает вокалистическую характеристику суффиксов), в данном *æke*⁵) оказался существенным вокализм (а также консонантизм — переднее *k*) частицы *ke*.

Допустим теперь, что в языке наступает эпоха перелома морфологического строя, для чего причиной может быть гибридизация с языком иного семейства. При этом естественно ожидать разрушения „гармонии гласных“, как господствующего морфологического принципа, но часто фонетическая привычка к единообразному укладу всех гласных на протяжении слова, можно думать, будет сказываться в нивелировке вокализма чужезычных комплексов — безразлично, приёмом ли

³ Третий ряд упоминаемых Радловым (*Phon.* § 88) таранчинских *Rückwirkungseinflüsse* — *verengender Einfluss* принципиально отличен: мы сталкиваемся здесь не с ассимиляцией, а диссимиляцией (*ata*, *ati-lar ati-leri*: < **ata-lar-*), находящей близкую параллель в южно-японском: в Кюсюских говорах слоги *ra*, *ro* (*a*, *o* — самые устойчивые из гласных) переходят в *ri* (*i* — самый минимальный гласный в позиции после *r*, почему в него стекаются все другие гласные в условиях стремления к нулю; такую же роль такую же роль выполняет в таранчинском *i*), только если данный комплекс содержит три *a* или три *o* подряд: *harakaku* > *har (i) kaku* > (кумамотоское) *har'kaku*, откуда Нагасакск. *haikaku*, Сацумское *haakaku* (ассимилятивно); *jama-kara* > Кумамото *kar'*, Сац. *-kaa*: Accusat. *-tokoro-ba* > Кум. *-tokor'ba*, Наг. *-tokoiba*; *kokoro-jasu-ka* > Нагасакск. *kokoijaska*.

⁴ Три из этих вариантов уходят, конечно, за счёт трудности айн'а. Как курьёз укажу, что эти варианты Калы, Эли, Галы и т. д., бывает, служат разными именами братьев одной семьи.

⁵ Турецкое **ata-ka* > *ä(tä)ke* вошло и в монгольский — в виде *ециге* «отец».

прогрессивной или регрессивной ассимиляции⁶. При последнем случае (умлауте) допустимо ожидать, что консервация чужезычных суффиксов разовьёт вместо сингармонистического новый принцип морфологической альтернации (именно альтернации не в вокализме суффиксов, а в вокализме основ) — основанный на умлауте, как в германских: *Mann* | *Männ-er, Bruder* | *Brüder* и т. п.

Вот одна из причин, заставляющих меня гипотезировать о том, что подпочвой (не индоевропейской) для таких языков с богатством Umlaut'a, каковы германские, был язык урало-алтайского (финского?) типа с гармонией гласных⁷. Я вполне предвижу при этом, конечно, возражения в виде указаний на хронологическую удалённость явлений умлаута (большинства умлаутов) от до-индо-европейской почвы германских языков. Но парировать их, вернее пытаться согласовать с моим допущением чужого влияния, я предпочту уже в другой статье, где буду располагать большим местом: ибо тут нужно сказать и многое принципиально и по самим германским фактам.

Итак, при такого рода условиях образования Umlaut'a существенным фактором можно считать психический⁸ — *Momentaler Sprung* — в виде конвергенции крупных фонетических единиц: представлений слова, как рядов гласных; один из конвергентов, — это привычное (нормальное для словаря) представление определённого, напр., заднего, *единообразного* вокализма (частный случай *и... ы... а... ы*); другой конвергент — представление нарушенного единообразия вокализма, получаемое из

⁶ По этому поводу крайне важно высказанное Радловым, Phon. в §§ 65 (отметь уподобляющую функцию не *первого*, а ударенного гласного в русских заимствованиях: *Аграфёна* = *ögröppönö* и т. п.), 66, 68, 71, 73.

⁷ А не яфетические, как думают Марр и Браун. Но вопросу о яфетизмах в германском интересно отметить, что почти всюду, где удаётся гипотезировать «яфетические» этимологии в германском словаре, навязываются и финские параллели (не германизмы!), напр., к приводимым Марром (Яфетический Сборник) яфетическим соответствиям для нем. *Klippe* можно указать на старо-эстонское *kald* «берег». Сходную по консонантизму — с финским подпочву для германских языков есть возможность допускать на основании *Lautverschiebung*: столкновение с монистическим (по гортанным работам) консонантизмом вывело из устойчивого равновесия индо-германское различие глухих и звонких, и вернуться к общефонетической норме этих различий не могут поэтому немецкие говоры до сего времени.

⁸ Роли физического фактора, как-то развития *aiti* < *at-i* в источнике таранчинского *eti* «его лошадь», я, конечно, не собираюсь отрицать (заметь, что через два согласных влияние *i* не простирается: *at-ni*, см. Radloff о. с. § 82). Но улавливается появляющийся под регрессивным ассимилятивным влиянием оттенок (напр. *a^e* в источнике кирг. *äke*) именно как однородный (в данном случае передний) с ассимилятивным звук (как фонема *ä*), именно благодаря существованию понятия однородности (переднего или же заднего уклада) в рядах гласных, т. е. благодаря сингармонизму.

чужеземного словаря (частный случай *и... е... а... ы*, т. е. ряд гласных, слышимых в русском «губернатор»). Естественно, конечно, чтобы нормальное, опривыченное представление уподобило себе аномалию (зигзаг *и... е... а... ы*); поэтому *губернатор* превращается в *qubyrnattyр* (Radloff, о. с. § 65: *qubyrnattyр*) с *е > ы*. По терминологии теории конвергенций это будет, следовательно, конвергенция крупных фонетических величин (фонетических представлений слова), относящаяся к I-му типу конвергенций.

Итак, я полагаю, факты умлаута органически связаны с историей разложения сингармонизма.

Е. Поливанов

Примечания

¹ Шмидт Александр Эдуардович (1871, Астрахань — 1938, Ташкент, в заключении).

В 1889 г. окончил 1-ю Тифлискую классическую гимназию; в 1894 г. — арабско-персидско-турецкое отделение Факультета восточных языков Санкт-Петербургского университета (ученик В. Р. Розена); оставлен при университете «для подготовки к профессорскому званию»; в 1896 г. сдал магистерский экзамен стажировался у западно-европейских востоковедов (И. Гольдциер, И. Карабачек, М. Я. Гуге). Публиковался с 1897 г. В 1898 г. начал преподавать на Восточном факультете Санкт-Петербургского университета, в должности приват-доцента; одновременно работал инспектором Александровского лицея, а позже — секретарём редакции газеты «Санкт-Петербургские ведомости»; в 1907–1920 гг. пом. библиотекаря, ст. библиотекарь, пом. директора Публичной библиотеки. С 1 сентября 1917 г. экстраординарный профессор Петроградского университета. В июле 1918 г. избран профессором и деканом историко-филологического факультета и одновременно преподавателем Восточного факультета Петроградского университета. С 1 октября 1918 г. читал курс мусульманского права и исламоведения на этнолого-лингвистическом факультете Лазаревского института восточных языков в Москве. С 1920 г. член Коллегии востоковедов при Азиатском музее АН.

С декабря 1925 г. чл.-кор. АН СССР по разряду вост. словесности отделения исторических наук и филологии (по представлению И. Ю. Крачковского, В. В. Бартольда и С. Ф. Ольденбурга).

С конца 1917 г. член Организационного Комитета по созданию Туркестанского государственного университета в Ташкенте. 17 января 1920 г. командирован в Ташкент в качестве зам. ректора ун-та (избран 31 авг. 1919 г.); выехал 19/II 1920 г. с группой профессоров «для подготовки почвы к окончательной деятельности двух организационных групп — московской и ташкентской». С конца 1920 г. до середины 1921 г. профессор и декан историко-филологического факультета Туркестанского университета. В 1920–1922 гг. председатель Общества историко-филологических и социально-экономических наук при Туркестанском университете. Член Научной комиссии по изучению быта коренного населения Туркестана (1920–1921); пом. редактора журнала «Наука и просвещение» (Ташкент, 1922); зам. председателя Государственного Учёного совета при Наркомпросе Туркестанской АССР (август 1922 — февраль 1923).

С апреля 1920 г. профессор, с декабря 1920 г. до середины 1921 г. ректор Восточного института (организован в Ташкенте одновременно с университетом, с 1924 г. Восточный факультет ТГУ); до 1926 г. декан Восточного факультета

Среднеазиатского государственного университета (САГУ); с сентября 1928 г. персональный пенсионер; преподавал САГУ до 1930. В 1930 г. по решению коллегии ОГПУ в г. Ташкенте выслан в г. Алма-Ату. В 1938 г. арестован. Умер в заключении 9 августа 1939 г. Похоронен в Ташкенте.

Литература: А. Э. Шмидт // *Историография общественных наук в Узбекистане. Биобиблиографические очерки*. Сост. Б. В. Лунин. Ташкент, 1974; *Люди и судьбы. Биобиблиографический словарь востоковедов — жертв политического террора в советский период (1917—1991)* / Изд. подготовили Я. В. Васильков, М. Ю. Сорокина СПб., 2003.

² Сходная трактовка умлаута принадлежит В. Шереру (Scherer W. *Zur Geschichte der deutschen Sprache*. Berlin, 1868), работы которого Л. В. Щерба мог не знать. Объяснение умлаута как пошаговой ассимиляции вполне в духе взглядов Л. В. Щербы и его школы. Однако в работах Л. В. Щербы умлаут не рассматривается. Ссылок на Л. В. Щербу нет ни в работах Л. Р. Зиндера и Т. В. Строевой «Историческая фонетика немецкого языка» (1965) и «Исторической морфологии немецкого языка» (1968), ни в статье В. М. Жирмунского «Умлаут в английском языке по сравнению с немецким» (1960). Позднее палатализацию согласного как первую стадию умлаута рассматривали К. Луик (Luick K. *Historische Grammatik der englischen Sprache*. Vol. 1. Pt. 1. Stuttgart: Tauchnitz, 1914–1921, Pt. 2. Stuttgart: Tauchnitz, 1929–1940; переиздание: *Historische Grammatik der englischen Sprache. Mit dem nach den interlassenen Aufzeichnungen ausgearbeiteten zweiten Kapitel herausgegeben von Friedrich Wild und Herbert Koziol*. Cambridge, Mass.: Harvard University Press. 1964), Э. Рот (Rooth E. *Zum i-Umlaut* // *Studia Neophilologica*. 1940–41. Bd. 13. S. 103–117) и А. С. Либерман (Lieberman A. *Phonologization in Germanic: umlauts and vowel shifts* // Antonsen E. H., Hock H. H. (eds.). *Stæfcræft. Studies in Germanic linguistics. Amsterdam studies in the theory and history of linguistic science. (Current issues in linguistic theory 79/)* Amsterdam, Philadelphia: Johns Benjamins Publishing Company, 1991. P. 125–137).

³ Термин «оттенки» противопоставлен здесь «комбинаторным вариантам» — термину, используемому прагматиками.

⁴ Фактически Е. Д. Поливанов описывает процесс «фонологизации аллофона». К идеи двух стадий изменения — аллофонической и фонемной — сформулированной У. Ф. Туодделлом в его знаменитой статье 1938-го года (Twaddell W. F. *A note on Old High German Umlaut* // *Monatshefte für deutschen Unterricht*. 1938. Vol. 30. P. 177–181), диахроническая фонология вернулась уже много позже, в 50–60-е гг. XX в. (Penzl H. *Zur Entstehung des i-Umlauts im Nordgermanischen* // *Arkiv för nordisk filologi*. 1951. V. 66; Стеблин-Каменский М. И. К вопросу о трёх периодах скандинавского умлаута на *i* // *Вопросы грамматики. Сб. статей к 75-летию акад. И. И. Мещанинова*. М.; Л., 1960; Крупаткин Я. В. К аллофоническим реконструкциям // *Вопросы языкознания*. 1969. № 4. С. 435–444 и др.).

⁵ Идею эпентезы как одной из стадий умлаута рассматривали Б. Хессельман (Hesselman B. *Omljud och brytning i de nordiska språken. Förstudier till en nordisk språkhistoria*. Stockholm, 1945), А. Кэмпбелл (Campbell A. *Old English grammar*. Oxford. 1959) и В. Аведык (Awedyk W. *Palatal umlaut versus velar umlaut and breaking. A comparative study of the palatalization and velarization of vowels in Germanic languages*. (Seria Filologia Angielska Nr 7.) Poznań, 1975).

⁶ Прямой ссылки на Шахматова нет, но речь идёт, видимо о книге: Шахматов А. А. *Очерк древнейшего периода истории русского языка*. [Энциклопедия славянской филологии. Вып. 11. I.] Пг., 1915. (Раздел «Переход *e*, *ь* в *ö*, *ь* под влиянием следующей согласной», § 222–223, с. 133–136). (Указано М. Б. Поповым.)

⁷ Ср. «Основной способ обозначения палатализации в древнеирландском языке состоит в употреблении *-i-* в качестве неполного гласного пред подвергшимся воздействию согласным: др.-ирл. *aille* „другой“, /al'e/; *boill* „члены“, /bol'L'/; *duine* „человек“, /duí/» (Льюис Г., Педерсен Х. Краткая сравнительная грамматика кельтских языков. М.: Издательство иностранной литературы, 1954. С. 120.

⁸ Опечатка: А. Д. — Руднев Андрей Дмитриевич (1878–1958). Руднев А.Д. Материалы по говорам Восточной Монголии. СПб.: Типография Киришбаума, 1911.

⁹ W. Radloff. Phonetik der nordtürkischen Sprachen. Leipzig, 1883.